

УДК 316.3(470+571)

С.А. Рагозин

S.A. Ragozin

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Perm National Research Polytechnic University

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

HOMO SOVETICUS IN TERMS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY'S TRANSFORMATION

Дан анализ исторического типа *homo soveticus* («человек советский»). Рассмотрены подходы некоторых авторов, занимавшихся изучением данного вопроса во второй половине XX века. Представлены результаты собственного исследования «человека советского», проведенного в городе Перми в 2015 году.

Ключевые слова: *homo soveticus*, социализация, социальная идентификация, самоидентификация, социальное поведение, социальная группа, социальная общность, социальные ценности, групповые ценности.

The paper contain the analysis of human's historical type *homo soveticus*. It shows the approaches of some authors to this problem, who studied it in the second half of the twentieth century. Besides, presented results of *homo soveticus*'s research, which was organized in Perm in 2015.

Keywords: *homo soveticus*, socialization, social identification, self-identification, social behavior, social group, social community, social values, group values.

Любое общество проходит процесс трансформации, который непосредственно определяет его, влияет на социальные системы и группы, лежащие в основе, на их ценностные, нормативные позиции и оппозиции. Стоит сказать, что общество России, безусловно, трансформировалось после распада СССР, приведшего к таким последствиям, как экономический и конституционный кризисы, разруха, разобщенность граждан. Многие россияне оказались в 90-е годы XX века в состоянии аномии: то, во что они верили (светлое будущее, социализм, всеобщее процветание и т.д.), было разрушено, а новое пока не было построено. Это, конечно, сильнее всего отразилось на людях, их ценностных ориентациях, нормативных, моральных, культурных воззрениях, люди начали меняться. После «суровых 90-х» пришли относительно спокойные, стабильные 2000-е годы, многие люди начали выходить из аномической комы,

появилась надежда, уверенность в завтрашнем дне, жизнь стала возвращаться на круги своя. Другими словами, личностные трансформации россиян продолжились, более того они идут и по сей день. Интересно посмотреть, какие типы людей существуют сегодня в РФ? Есть ли среди них *homo soveticus*, которому посвящено наше исследование?

Идеологема «нового», или «советского человека» возникла в 1920–1930-х годах как постромантическая версия субъекта исторических изменений. Исключительность условий и цели строительства социалистического общества должны были поддерживаться параллельным тезисом о формировании людей совершенно особого, необычного склада. Советский человек представляет собой некий конструкт, характеризующийся в содержательном отношении как высокообразованный, грамотный, развитый в культурном плане, ориентированный на позитивное отношение к прогрессу, весьма глубоко понимающий связь своих интересов с коллективными и с этой точки зрения не являющийся эгоистом. И в национал-социалистском режиме Германии, и в фашистском режиме Италии мы находим аналоги такого рода мифологем.

Краткий по историческим меркам временной период существования подобных режимов (12 лет в Германии и 20 лет в Италии) дает возможность сделать заключение, что воспроизводство такого типа «нового человека» практически не происходило или же носило дискретный (частичный) характер. Однако в нашей стране тип «советский человек» стал основным содержанием формирования социальных свойств личности в деятельности большинства социальных институтов, начиная с семьи и заканчивая политикой государства [1].

На конец 1950-х годов пришли первые попытки установления человека социалистического общества, практическое (а не идеологическое) воплощение человека принципиально нового типа – *homo soveticus*. В это время вышел ряд трудов, в которых развивались основные тезисы появления советского типа личности (например, книга немецких политологов К. Аденауэра и К. Менерта «Советский человек», труд Г. Смирнова с тем же названием [2], произведения других «научных коммунистов»). К этому же периоду относятся и эмигрантские полупародии, насмехавшиеся над самой идеей «советского человека» (А. Синявский, А. Генис и П. Вайль, А. Зиновьев). Но главное – не было даже попыток всерьез проанализировать глубокое влияние советской системы на людей, сохранение этого влияния во время смены поколений. Было не известно, можно ли говорить о действии механизмов социальной и культурной репродукции и о других теоретических вопросах, связанных с изучением *homo soveticus*.

С течением времени нарастала значимость этого вопроса, поскольку в России после первых лет реформ все сильнее проступали реставрационные, или консервативные, тенденции. Результаты социологических исследований

показали, что тип человека, который сложился одновременно с формированием советской тоталитарной системы и выступал в качестве ее опоры, стал важнейшим обстоятельством, блокирующим любые возможности изменений, трансформации социальных, политических или экономических отношений, а в настоящее время – и условием не просто консервации, а порой и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов. Именно этот тип человека противостоит общественным силам или группам, декларирующим приверженность к более гуманным формам общества – либеральным. После краха коммунизма и распада социалистического лагеря именно распространенность этого типа стала влиять на характер нынешнего развития России в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы.

Первые эмпирические исследования, ставшие возможными только в годы явного кризиса и краха советского режима, зафиксировали позднюю фазу существования советского человека, точнее – явления разложения данного типа. В 1989 году Ю.А. Левада со своей группой ученых начал реализацию проекта «Советский человек», нацеленного на определение, что представляет собой человек в трансформирующейся системе общественных отношений. Исследование имело мониторинговый характер, поэтому было повторно проведено в 1994, 1999, 2004 годах. Однако отмеченное разложение рассматриваемого типа в постсоветской России не означает его исчезновения и отсутствия следов воздействия. Напротив, чем дальше уходить от замера, сделанного в 1989 году, тем более значительной представляется его функциональная роль.

В 1991–1995 годах Н.И. Лапин в рамках собственного исследовательского проекта, целью которого было изучение динамики ценностей реформируемой России, анализировал тип *homo soveticus*.

В настоящее время Л.Д. Гудков, возглавляющий «Левада-Центр», продолжает традицию изучения рассматриваемого типа и реализацию проекта «Советский человек».

Наше исследование во многом основывается на работах Ю.А. Левады и Н.И. Лапина, но вместе с тем мы считаем, что необходимо по-новому рассмотреть проблему типа «человек советский».

В качестве теоретико-методологической основы исследований Ю.А. Левады выступили системный и структурно-функциональный подходы, хотя уже в исследованиях конца 1990-х, 2000-х годов обнаруживается тенденция к методологии интерпретативной парадигмы (прежде всего М. Вебера).

Ю.А. Левада следующим образом определяет показатели, которые присущи «советскому человеку»: патернализм, конформизм, инфантилизм, принудительный аскетизм (самоограничение, потребительские запросы), деиндивидуализированность («массовидность»), традиционализм, примитивность по запросам, обладание двоемыслием (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления).

Усилия исследователей, группировавшихся вокруг него, были сконцентрированы на изучении институциональных условий сохранения «человека советского» и условий его проявления (человек энтузиастический, обыкновенный, ностальгический, ограниченный, коррумпированный, протестный и др.) [3, 4]. Со временем Ю.А. Левада скорректировал выводы, сделанные исследовательской группой. Основной смысл поправок заключался в том, что homo soveticus утратил значение образца для подражания, такой тип личности уже не воспринимался субъектом новых отношений, носителем лучших ценностных качеств и свойств [5, с. 24]. (Если ранее Левада и его группа опирались на структурный функционализм (изменяется система общества – вслед за этим меняется и человек), то после анализа результатов проекта, они обратили внимание на методологию М. Вебера: социальные действия под собой имеют субъективный смысл.)

Было выявлено, что «человек советский» как социальный тип оказался значительно более устойчивым и способным приспособиться к изменению обстоятельств, чем это представлялось до проведения исследования [4, с. 264; 5].

В работе «Советский человек» было показано, какие ассоциации возникают у россиян в первую очередь при употреблении слова «народ». Оказалось, что внимание к традиционным признакам возросло, а государственная идентичность стала упоминаться значительно реже (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса россиян, отражающие их представления о своем народе (в % от числа опрошенных, сумма ответов больше 100 %, поскольку ответы не являются альтернативными) [3]

Ассоциации со словом «народ»	1989 г.	1994 г.	1999 г.
Наше прошлое, наша история	26	37	48
Наша земля, территория	12	25	26
Государство, в котором я живу	27	18	19
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19
Душевные качества моего народа	14	16	19

Данные табл. 1 отражают прежде всего показатель возросшего критического отношения к современному государству среди россиян.

Рассматривая такой показатель социальной идентификации, как представление об обязанностях людей перед своим государством, констатируем ослабление чувства ответственности по отношению к нему в период 1989 по 1999 год. Интересно, что данная трансформация характерна для всех возрастных групп. В то же время сократилось число людей, считающих, что от государства можно требовать больше. Более наглядно эта тенденция представлена в табл. 2 путем сравнения ответов одинаковых возрастных групп в разные годы.

Таблица 2

Результаты исследования мнения россиян, отражающие их отношение к государству (по возрастным группам, в % от числа опрошенных) [3]

Возрастная группа	Варианты ответов*				
	1	2	3	4	5
1989 год					
До 20 лет	4	13	9	33	30
20–29 лет	3	6	5	36	35
30–39 лет	3	15	8	39	25
40–49 лет	3	9	6	38	25
50–59 лет	11	11	6	40	19
60 лет и старше	7	12	5	47	17
Всего	5	11	6	40	25
1999 год					
До 20 лет	1	11	38	11	38
20–29 лет	2	7	31	21	38
30–39 лет	1	4	42	13	39
40–49 лет	2	6	39	15	37
50–59 лет	0	4	34	20	41
60–69 лет	0	7	40	17	32
70 лет и старше	1	9	42	15	27
Всего	1	6	38	17	37

* *Расшифровка вариантов ответов:*

1. Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него большего.
2. Государство нам дает немало, но можно требовать и большего.
3. Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны.
4. Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, идя на некоторые жертвы.
5. Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам.

Если проанализировать эти данные с точки зрения возрастных категорий, то можно увидеть, что оценка тех, кто в 1989 году достиг предпенсионного и пенсионного возраста, значительно снизилась по показателю «ответственность за страну» на протяжении десяти лет. Таким образом, старшие возрастные группы, идентифицируя себя со страной, государством, не только не приблизились к молодым, но и обогнали их. Скорее всего, это можно связать с крушением модели патерналистского государства, общим падением уровня жизни, что наиболее болезненно отразилось на старшем поколении (табл. 3).

Прошедшее десятилетие ознаменовано резким уменьшением доли людей, ищущих легкую работу или озабоченных созданием собственного дела, но заметно усилились ориентации пусть на низкооплачиваемую, но стабильную работу (в более молодых возрастных группах почти не изменилась ориентация на работу и заработок).

Таблица 3

Отношение россиян к государству
(по возрастным когортам, в % от числа опрошенных) [3]

Возрастная группа	Варианты ответов				
	Дало все	Можно требовать и больше	Ничем не обязаны	Должны помочь	Должны стать свободными людьми
1989 год					
20–29 лет (70-е годы)*	3	6	5	36	35
30–39 лет (60-е годы)*	3	15	8	39	35
40–49 лет (50-е годы)*	3	9	6	38	25
50–59 лет (40-е годы)	11	11	6	40	19
60–69 лет (30-е годы)	7	12	5	47	17
1999 год					
20–29 лет (70-е годы)*	1	4	42	13	39
30–39 лет (60-е годы)	2	6	39	15	37
40–49 лет (50-е годы)	0	4	34	20	41
50–59 лет (40-е годы)	0	7	40	17	32

* В скобках приводится десятилетие, в котором родился респондент.

Большинство опрошенных полагали, что условия жизни для них изменились таким образом, что им приходится «вертеться», приспосабливаться, либо не изменились совсем. Это привело к появлению ожидания некой «твердой руки», способной навести порядок, массовой ностальгии по прошлому, советскому времени.

Что касается работ группы Н.И. Лапина, то они больше построены в рамках антрополого-деятельностного подхода, близкого к теоретико-методологическим положениям марксизма.

Н.И. Лапин оперировал такими понятиями, как идентичность, ценности (кризис ценностей). Ключевая гипотеза его исследования состояла в следующем: в период кризиса в реформируемом социуме происходит не только структурный кризис ценностей, но и качественно меняется роль этих ценностей в развитии общества. Создается новая структура представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, одобряемых и осуждаемых нормах поведения, приобретает функции аттракторов, своего рода встроенных магнитов, удерживающих общество в хаотической области или же вытягивающих его из хаоса и влекущих общество к новому социокультурному состоянию [6].

Цель данного исследовательского проекта – в выявлении тенденций изменения ценностей населения и их функций в начальный период радикальной социокультурной трансформации российского общества (1991–1995 годы). В итоге были получены сопоставимые результаты за период с 1990 по 1994 год. Они позволяли глубже понять ряд фундаментальных и прикладных проблем трансформации нашего общества и обнаружить новые, нуждающиеся в исследовании.

Прежде всего были выявлены существенные особенности кризиса, переживаемого (на тот момент) российским обществом. Тотальное отчуждение советского человека от участия в управлении и власти в целом, от результатов труда, правдивой информации об общественном строе и происходящих в нем процессах, личной безопасности и т.д. – вот глубинные основания этого кризиса. В итоге мы получили отчуждение общества от саморазвития, кризис и распад СССР [7].

Характерными чертами динамики ценностей стали их рационализация, снижение влияния мифологизированных целей и средств, далеких от собственных потребностей индивидов и реальных социальных групп как конкретных субъектов поведения, поступков. Так, в отличие от 1990 года, когда большинство россиян связывало решение своих жизненных проблем в первую очередь с деятельностью властей, ныне уже около 55 % респондентов надеются прежде всего на самих себя [7].

Изменения в поведении нелинейны, в них наблюдаются различные стадии. Многие россияне прошли две стадии и находятся на третьей [7].

Для первой характерно высокое доверие к новым социальным институтам и очень низкое – к старым [7].

Для второй стадии характерно падение доверия к новым социальным институтам и болезненные реакции на неоправдавшиеся надежды первой. В то же время за счет усиления нравственных и экзистенциальных ценностей растет потенциал ценностной системы, поведение человека становится более рациональным, а его оценки прошлого, настоящего и будущего – взвешенными [7].

Переход в третью стадию происходит, когда снижение доверия к властным институтам останавливается и стабилизируется на низких оценках [7].

Переживание социальных реформ как неуправляемого природного процесса сопровождается формированием у человека стратегических ориентаций. Они проявляют себя прежде всего в том, что индивид переносит значительную часть своей активности с внешней деятельности на внутреннюю, направленную на организацию своей собственной мотивации, ценностей, воли, человеческих отношений [7].

Данная работа по своим целям, задачам, замыслу ориентирована на выявление типологических и социальных свойств человека в условиях пореформенного российского общества и сопоставление полученных нами ре-

зультатов с теми, которые были выявлены предшествующими исследователями, а также преследует попытку ответить на вопрос: есть ли изменения в социальных типах современных россиян или же они по своим типологическим качествам близки советскому человеку?

В мае 2015 года нами было осуществлено социологическое исследование в г. Перми, в рамках которого мы преследовали цель определить степень соответствия черт «человека советского» пермякам. В качестве метода сбора социологической информации мы использовали анкетный опрос. В исследовании в общей сложности приняли участие 100 человек (47 мужчин (47 %), 53 женщины (53 %)).

Объектом исследования стали жители г. Перми, входящие в возрастные группы: 20–44 года, 45–54 года, 55 лет и старше, имеющие высокий уровень образования. Из Пермского национального исследовательского политехнического университета – 8 студентов (8 %), 9 молодых преподавателей (9 %), 25 человек, имеющих высшее образование уже длительное время (25 %; это респонденты, входящие в возрастную группу «55 лет и старше»); из Пермского государственного национального исследовательского университета – 9 студентов (9 %), 8 молодых преподавателей (8 %); из Национального исследовательского университета Высшей школы экономики – 8 студентов (8 %), 8 молодых преподавателей (8 %); из «Редуктор–ПМ» – 9 специалистов (9 %); из «Протон–ПМ» – 8 специалистов (8 %); из «Пермского моторного завода» – 8 специалистов (8 %). Предметом исследования стала самоидентификация респондентов, их система ценностей.

Чтобы выяснить особенности самоидентификации респондентов, нами проводился ее анализ по трем основным показателям:

- отношение к государству;
- характер взаимодействия с окружающими (конформизм/отсутствие конформизма);
- жизненные стратегии.

В результате были выявлены следующие типы:

- 1) «советский человек» – 23 чел. (23 %);
- 2) «переходный человек» – 32 чел. (32 %);
- 3) «новый гражданин России» – 45 чел. (45 %).

Полученная информация представлена на диаграмме (рисунок).

Данные проведенного нами социологического исследования также представлены в табл. 4 и 5.

Исходя из табл. 4, можно сказать, что больший процент тех, кого мы причисляем к «советскому человеку», относится к возрастной группе «55 лет и старше» (40 %). Что касается опрошенных из группы «20–44 года», среди них лишь 12 % считаются таковыми. Кроме этого, половина респондентов, входящих в группу «20–44 года», являются людьми «переходного типа»

(50 %), в то время как всего 12 % опрошенных из группы «45–54 года» относятся к этому же типу. Относительно типа «новый гражданин России» скажем: 60 % из группы «45–54 года» причисляют в себя к нему, в группе «20–44 года» оказалось 38 % тех, кого мы можем считать «новыми гражданами».

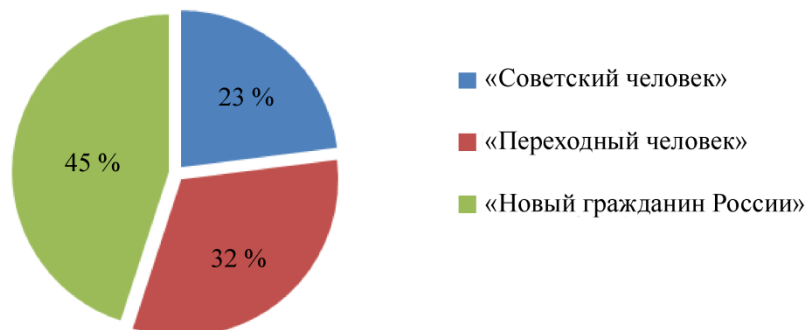

Рис. Типы современных жителей г. Перми, представленные в соотношении друг к другу

Таблица 4

Распространенность исследуемых социальных типов г. Перми в зависимости от возраста респондентов (в абсолютных числах и % от числа опрошенных в каждой группе)

Тип	Возрастные группы			Итого
	20–44 года	45–54 года	55 лет и старше	
«Советский человек»	6–12	7–28	10–40	23–23
«Переходный человек»	25–50	3–12	4–16	32–32
«Новый гражданин России»	19–38	15–60	11–44	45–45
Итого	50–100	25–100	25–100	100–100

Таблица 5

Распределение социальных типов г. Перми в зависимости от статуса респондентов (в абсолютных числах и % от числа опрошенных в каждой группе)

Тип	Статус				Итого
	Студент	Молодой преподаватель	Специалист НИИ	Тот, у кого высшее образование уже много лет	
«Советский человек»	3–12	3–12	7–28	10–40	23–23
«Переходный человек»	12–48	13–52	3–12	4–16	32–32
«Новый гражданин России»	10–40	9–36	15–60	11–44	45–45
Итого	25–100	25–100	25–100	25–100	100–100

К «советскому человеку» в большей степени относятся те опрошенные, у кого высшее образование имеется уже много лет (40 %; респонденты, обладающие данным статусом входят в возрастную группу «55 лет и старше»), в меньшей – студенты (12 %) и молодые преподаватели (12 %) (студенты и молодые преподаватели входят в возрастную группу «20–44 года»). Что касается «переходного человека», то к нему можем отнести 52 % молодых преподавателей, 48 % студентов, 16 % тех, у кого высшее образование уже много лет и только 12 % специалистов НИИ, которые являются членами возрастной группы «45–54 года». Помимо этого, 60 % опрошенных – специалистов НИИ мы в праве причислять к «новым гражданам России»; среди молодых преподавателей представителей этого типа было обнаружено 36 %.

Для того чтобы понять, почему получилось такое распределение по типам, нами был проведен более глубокий анализ особенностей самоидентификации респондентов: мы проверили зависимость тех или иных аспектов процесса самоидентификации от ряда факторов.

С одной стороны, опрошенные полагаются в своей жизни на себя (в обеспечении благополучия, комфорта, материальными благами и т.д.), с другой – питают надежду и на государство (жизнь сложна и терниста, помощь государства будет как никогда кстати).

Кроме этого, практически по всем взятым группам опрошенных высокий процент согласных с суждением, что правительство должно обеспечить гражданам минимум доходов (складываем проценты по вариантам «полностью согласен» и «пожалуй, согласен» и получаем: «20–44 года» – 82 %; «45–54 года» – 80 %; «55 лет и старше» – 72 %). Такое распределение голосов можно объяснить тем, что РФ определила себя как социальное государство, в результате чего правительство выступает и воспринимается респондентами как выразитель общества, который должен обеспечивать гражданам минимум доходов, свободу слова и самовыражения, свободу вероисповедания, безопасность и т.д. Однако был зафиксирован высокий процент выразивших согласие с утверждением, что каждый человек должен сам заботиться о материальном обеспечении семьи, не надеясь на государство (складываем проценты по вариантам «полностью согласен» и «пожалуй, согласен» и получаем: «20–44 года» – 44 %; «45–54 года» – 44 %; «55 лет и старше» – 84 %).

При выяснении характера взаимодействия респондентов с окружающими, было обнаружено: варианты ответа «прежде всего от человека» и «в основном от человека» больше всего выбирали респонденты, имеющие достаточно высокое материальное положение.

При анализе жизненных стратегий респондентов было выявлено, что распределение данных относительно этого показателя совпадает с тем, которое мы обнаружили в ходе рассмотрения типов в зависимости от возраста и статуса опрошенных (табл. 6 и 7):

Таблица 6

Способы поддержания и улучшения респондентами своего материального положения в зависимости от возраста
(в абсолютных числах и % от числа опрошенных в каждой группе)

Тип	Возрастные группы			Итого
	20–44 года	45–54 года	55 лет и старше	
Ничего не предпринимает, чтобы повлиять на свое материальное положение	6–12	7–28	10–40	23–23
Частично пытается повлиять на свое материальное положение	25–50	3–12	4–16	32–32
Всячески старается улучшить свое материальное положение	19–38	15–60	11–44	45–45
Итого	50–100	25–100	25–100	100–100

Таблица 7

Способы поддержания и улучшения респондентами своего материального положения в зависимости от статуса
(в абсолютных числах и % от числа опрошенных в каждой группе)

Тип	Статус				Итого
	Студент	Молодой преподаватель	Специалист НИИ	Тот, у кого высшее образование уже много лет	
Ничего не предпринимает, чтобы повлиять на свое материальное положение	3–12	3–12	7–28	10–40	23–23
Частично пытается повлиять на свое материальное положение	12–48	13–52	3–12	4–16	32–32
Всячески старается улучшить свое материальное положение	10–40	9–36	15–60	11–44	45–45
Итого	25–100	25–100	25–100	25–100	100–100

Также в рамках исследования мы определили, что большая часть респондентов все равно гордится своей страной, семьей, работой, гражданством. Чувство гордости за свою страну выступает некой защитной реакцией и элементом сохранения социальной тождественности, выражением того, что отечество отвергать нельзя. К вопросу гордости за свою семью респонденты подходят так: если человек не гордится своей семьей, то это свидетельствует о низкой степени его самоуважения.

У опрошенных преобладает позиция, в соответствии с которой карьера и высокое материальное положение уступают по своей значимости таким ценностям, как интересная квалифицированная работа, свобода и независимость. Эти данные свидетельствуют о том, что респонденты рассматривают себя больше с точки зрения официального статуса, для них материальное стоит не на первом месте.

Большинство опрошенных выступают за возрождение России. Независимо от возраста они видят пользу в новшествах, пришедших с Запада после распада СССР: свободе слова, вероисповедания, собраниях, праве на забастовки и т.д. Получается, что данные респонденты приняли транслируемые с Запада ценности. Однако нельзя не упомянуть тот факт, что преобладающее положительное отношение опрошенных к свободам и правам диссонирует с высокой степенью их патерналистской ориентации. Кроме этого, нужно отметить еще один интересный факт: с одной стороны, респонденты приняли новшества, с другой – среди них есть сожалеющие о распаде СССР, в котором эти права и свободы были ограничены.

Само исследование общества и человека как его представителя, представляет собой бесконечный процесс, поскольку социальная жизнь находится в непрерывных трансформациях. Вследствие этого для социологии (и других общественных наук) проблема общественных свойств человека будет иметь фундаментальное значение, вопреки заявлению известного французского философа, социолога М. Фуко, который в работе «Слова и вещи» высказал идею о возможной аннигиляции темы человека в общественных науках.

Если для системы социализации значимым является формирование демократического, свободного общества, то знание социально-типических свойств человека является важным для действия институтов социализации, ответственных за формирование личности, поскольку демократически организованное, свободное общество невозможно без соответствующего типа личности.

Список литературы

1. Исследования авторитарной личности / Т. Адорно, Н. Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнсуик, Д.Л. Левинсон. – М., 2001. – 416 с.
2. Смирнов Г.Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. – М., 1971. – 462 с.
3. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с.
4. Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки 2000–2005. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.

5. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада и др.; под общ. ред. Ю.А. Левады. – М.: Мировой океан, 1993. – 299 с.

6. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67, № 2. – С. 140–145.

7. Лапин Н.И., Беяева Л.А. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 246 с.

Получено 23.10.2015

Рагозин Сергей Анатольевич – магистрант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, гуманитарный факультет, гр. С-15-1м, e-mail: sergoga5@rambler.ru.

Научный руководитель – **Сумбат Шмавонович Широян**, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, гуманитарный факультет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет.